
О научно-исследовательской работе музеев

Проверено: 7 марта 1948 года

Александр Федорович Котс

Современный рост музеев и стремление их перевести экспонатуру на научную основу вызвали значительное осложнение в истолковании одного понятия, доселе не встречавшего особых разногласий, именно понятия «**Научно-исследовательские работы**».

Хорошо известно, что под этим словом разумеют всякое исследование, приводящее к научному открытию, или к проверке такового: отыскание или подтверждение (или, что то же, опровержение!) научной истины, будь то в науке о природе или в области гуманитарных знаний. И, как всякая, наукой добытая, истина, научное открытие должно включать помимо элемента **творчества** (пусть в минимальной дозе!) элементы новизны и общеобязательности, если не признания, то интереса, критики, внимания со стороны. В зависимости от значения и новизны научного искания меняется, конечно, и размер внимания к нему, захватывая то миллионы родственных умов, то единичных мало признанных ценителей. И все же факт наличия такого отклика на данное открытие, его признание или непризнание является существенным условием его научности. Открытие, сделанное «про себя», и не претендующее на внимание извне, лишается существенного атрибута всякого научного открытия, его доступности для коллективной критики или проверки.

При всей элементарности указанных критериев научного исследования, (наличия в нем творческого элемента и доступности для коллективной критики) попробуем при свете этих двух критериев проверить, в какой степени возможно подвести работу, проводимую в музеях под понятие научного исследования.

Но сначала краткое определение самого понятия «Музея», вопреки его предполагаемой элементарности.

В простейшем виде под понятием «Музея» разумеют, как известно, учреждение, занятое

1. собиранием материалов, относящихся к познанию природы или человеческого общества
2. определением и научной обработкой этих материалов
3. их хранением и, что самое решающее для понятия «Музея»,
4. их показом в форме приспособленной для амбулантного т.е. производящегося «на ходу» ознакомления с этими «выставленными» материалами.

Не трудно видеть, что не все эти элементы одинаково существенны или типичны для «музеев».

В самом деле. Совершенно мыслимо такое положение, при котором все возможные или необходимые предметы для Музея уже собраны, как в случае мемориальных небольших музеев, посвященных деятелям, не оставившим после себя обширного наследия, доступного для экспозиции!

В подобном случае, исходный первый пункт работ Музея — «**собрание** материалов» после некоторого периода времени либо вовсе прекращается, либо производится в замедленной и мало актуальной форме.

Но не менее возможны случаи, когда наличный материал **систематизирован, определен** и даже более того, научно обработан в такой мере, что работы по систематизации в Музее временно исчерпаны или во всяком случае проводятся неинтенсивно.

Остаются два последних пункта, именно — **хранение и показ**. Кажалось бы, что факт **хранения** научных материалов — обязателен для всякого Музея. Но на деле это далеко не так, как то показывают многие музеи (пусть неправильно присвоившие себе это имя!), экспозиция которых изменяется из года в год, т.е. является настолько преходящей и текучей, в такой мере неустойчивой, что говорить о подлинном «хранении» едва ли вообще возможно.

Наконец, последний пункт — момент показа, и лишь он один является решающим и обязательным в определении понятия «Музея».

В самом деле. «Собирабельная» функция Музея может оказаться (временно) законченной; — Определение собранного материала — также; Систематизация и обработка — также; тем не менее, и после прекращения всех этих функций — собирания, определения и систематизации, Музей не потеряет право называться этим именем. Но стоит лишь вообразить отказ Музея и от **экспозиционной** своей функции, отказ от демонстрации, хотя бы части собранного материала (или говоря точнее: от принципиального перевода части материалов в положение экспонатов, приспособленных для посторонних посетителей)¹ и учреждение такого типа — выключается автоматически из категории «Музеев».

К сходному же выводу возможно подойти другим путем.

Имеются на свете тысячи научных учреждений, тысячи ученых и любителей, всецело занятых усердным собиранием научных материалов, их научной систематизацией, хранением и обработкой и однако не имеющих касательства к музейной деятельности. И не являются они «музейцами» лишь потому, что в сфере деятельности их **не** входят совершенно функции, задача, **популяризация** научных сведений для посторонних, в форме, приспособленной для постоянного обзора массовым зрителем.

И в самом деле. Нет такого учреждения или такого ученого, которым бы не приходилось демонстрировать свои научные собрания и материалы сотоварищам по специальности. Но проводимые эпизодически от случая к случаю, показы эти не сопровождаются особым специальным оформлением демонстрируемых материалов. Эти материалы остаются в том исходном состоянии, при котором их всего удобнее использовать для собственных **научных** целей! Никаких уступок в сторону **приспособления** материалов к лучшему их пониманию неспециалистом, никаких шагов к замене временных случайных демонстраций длительным и регулярным, массовым показом.

И, однако, стоит лишь вообразить введение последнего, хотя бы в самой скромной и несовершенной форме, и немедленно же в тихую «академическую» атмосферу Института и Лаборатории ворвется новая, порой не в меру хлопотливая, волна людского мира и людских исканий: Институт, Лаборатория научной мысли, заменяются, вернее дополняются, лабораторией научной популяризации, общением с широкой массой рядового зрителя.

Все это слишком хорошо известно. Но вернемся к нашему исходному вопросу о наличии исследовательских элементов в деятельности музеев и посмотрим, в какой мере элементы эти могут быть присущи каждому из шести ее слагаемых: накоплению, определению, хранению, систематизации, обработке и наглядной популяризации.

А. Собираение материала. Взятое как таковое может и не содержать научно-исследовательского элемента: можно без труда вообразить (как оно есть на самом деле!) приобретение ценнейших материалов лицами, несколько не причастными к науке, не подозревающими о научной ценности объекта, ими найденного и не помышляющими о научных изысканиях. Достаточно напомнить первых основателей Кунсткамеры и «Музеумов» несколько не претендовавших на «научные исследования», но руководившихся в своих энтузиастических сборах — голой страстью, манией коллекционеров, собирателей всего диковинного и курьезного. Имеются на свете тысячи любителей, владеющих приватными коллекциями, собранными больше для **эмоциональной** радости, чем для научного познания. Можно с уверенностью утверждать, что в собирании сокровищ, ныне сохраняемых в Музеях и собраниях частных лиц, момент эмоционального порядка доминировал над познавательным: думать, что великие коллекционеры прошлого, подобно Гансу Слоану² руководствовались лишь запросами научного порядка, могут только люди абсолютно чуждые «коллекционерской жилки» — этого необходимого условия для настоящего «музейца».

Сказанному не противоречит то, что наряду с музейным материалом, собиравшимся **не для научных целей**, подавляющее большинство новейших поступлений **современного** Музея — приобретено с сознанием их научной ценности. Однако же и здесь необходимо разграничивать между сознательным «выцеливанием» научно-мотивированных приобретений и массовым, суммарным сбором (по принципу нахождения песчинок золота в грудке кварца).

Именно таким путем проводятся работы «полевых» коллекционеров или сборщиков естественно-научных материалов, лиц, порой лишенных всякого научного образования (препараторов, охотников), но от того не менее полезных именно как добывателей сырого материала.

---

¹ безотносительно, конечно, к актуальному использованию последними.

² Основателю Британского Музея.

Правда, что успешность сборов и пригодность для последующей обработки сильно повышается, когда такие полевые сборы производятся и руководятся учеными, как то показывают замечательные экспедиции известных русских путешественников и исследователей: Пржевальского, Козлова и в особенности Сушкина, так совершенно совмещавшего таланты кабинетного ученого и полевого натуралиста. Но и здесь присутствие ученого на месте, обеспечивая большую их плановость и облегчая нахождение искомым «слитков золота», не устраняет окончательно необходимости попутно забирать и «груды кварца», лишь в надежде получить впоследствии, при обработке материала, несколько крупинки истинного «золота».

Короче и без аллегорий: первая необходимая, исходная работа всякого музея — сбор музейных материалов — может и не содержать исследовательского элемента. В случаях обратного, когда самые сборы оттеняются и проникаются этим последним мы имеем дело с привхождением других самостоятельных моментов: систематизации, определения и обработки, к рассмотрению которых мы и переходим.

В. Определение и систематизация музейных материалов также далеко не обязательно включает элемент «исследовательской работы», как это мы видим на примерах множества ученых и любителей — знатоков классификации, умело пользующихся «таблицами» или «ключами» для определения, могущих (наподобие «служителя Консейля» у Жюль Верна³) указать для каждого животного объекта положение его в Системе, но и только. Проведение такой работы нужно и необходимо, как «преддверие науки». Но лишнюю и тени творческого элемента эту привходящую, начальную ориентировку, там, где она сводится лишь к констатации уже известного, мы затрудняемся назвать «исследовательской» в строгом смысле слова. Сказанное поясним примером.

Предположим, что в каком-либо музее краеведческого типа производится проверка или критика определений существующих коллекций по Орнитологии, при чем итогом этого повторного определения окажется лишь констатация того, что большинство названий — верно, часть неправильна, нуждаясь в исправлении. Легко понять, что ценность всей этой проверочной работы может быть весьма неодинакова в зависимости от значения и смысла этих исправлений с точки зрения науки.

Этот смысл может быть тройкого порядка.

Первый случай: Исправление «ошибки» выразилось в том, что разные две птицы, **одинаково обычные** для данного района, были названы одним и тем же именем, или обратно, те же птицы по ошибке были названы по разному. Легко понять, что исправление таких ошибок может быть сравнимо с корректурой опечатки в книге. Неотложные, необходимые определения такого рода не включают ни малейшего исследовательского элемента.

Второй случай: Исправление «ошибки» сводится к тому, что данной птице, широко распространенной в данной местности присвоено название другого «вида», тоже хорошо известного для данной местности и лишь случайно **не** представленного в Музее (скажем: «воробей домашний» назван «полевым» или обратно). Совершенно очевидно, что поправку этого порядка, нужную, необходимую, хотя и порожденную «исследованием» материала — мы не назовем «научно-исследовательской работой» и не по причине скромности сюжета, но единственно лишь потому, что с исправлением такого рода изменилось лишь достоинство музейного этикетаж, но не содержание науки.

Третий случай: Исправление «ошибки» выяснило факт встречаемости нового для изучаемого края **вида** птицы, или даже новой «разновидности» ее, дотоле неизвестной вообще в науке. Констатацию такого рода (или ей подобную, но представляющую обязательно характер новизны не только для музея, но и для самой **Орнитологии**) мы назовем «исследовательской», ибо содержащую два основных момента всякого научного открытия: факт новизны и творческого элемента.

Этот третий случай уже целиком подходит под понятие «научного исследования», хотя и **в самой первой и начальной его форме:** констатация **нового факта**, как слагаемого некой обобщающей идеи. И на очереди эта заключительная и важнейшая работа.

С. Научно исследовательская обработка материала в смысле претворения его фактического содержания в общие выводы и синтезирующие положения: замена фактов их идейным синтезом.

---

³ «80.000 верст под водой».

Так, возвращаясь к предыдущему примеру — нахождению нового дотопе неизвестного для края «вида» птицы — надлежало бы установить значение этой находки или в свете изучения вопроса о миграции и расселении отдельных видов, о влиянии такого расселения на общую природу края, или с точки зрения положения данной местности среди других зоогеографических участков, говоря короче: выявить «идею» факта и включить ее в **идейный инвентарь науки**.

Эту и лишь эту завершающую часть работы можно было бы назвать «исследовательской» в строгом смысле слова, признавая все предшествующие лишь как приводящие и как служебные.

Хорошей иллюстрацией изложенного выше о различной степени «научности» трех основных разделов деятельности музеев, или, говоря иначе, о неодинаковом наличии «исследовательского» элемента в собирании, определении и обработке материалов — может послужить история одной работы в Дарвиновском Музее.

Собирая специально в продолжении почти полвека материалы по изменчивости — этой основной проблеме Дарвинизма — пишущему эти строки удалось составить величайшую в Европе (и, пожалуй, в мировом масштабе) коллекцию по изменчивости некоторых промысловых птиц.

Эта коллекция была составлена таким путем:

Примерно 30 лет (от 1835 — 1870 г.) собирались «выродки» тетеревиных птиц одним любителем-спортсменом Петербурга (Андреевским).

Сорок лет (1872 — 1909) подобные же сборы делались покойным ныне препаратором-натуралистом — Ф.К. Лоренцем.

Столько же времени (1896 г. по сие время), т.е. около полвека собирались сходные же материалы по инициативе пишущего эти строки, основателя и директора Дарвиновского Музея.

В результате этого тройного коллектирования, захватившего в общей сложности свыше одного столетия — составила коллекция по личной (абerrационной, мутативной) изменчивости **Тетерева-Косача**, не имеющаяся ни в одном музее мира.

А теперь посмотрим, в какой мере в составлении, определении и обработке названной коллекции участвовал «исследовательский» элемент.

А. Составление самой коллекции производилось таким образом, что при подвозе дичи на базары — прежних двух столиц — Москвы и Петербурга — три указанных лица (Андреевский, Лоренц и А.Ф. Котс) десятки лет систематично обходили эти рынки и приобретали редкостные экземпляры птиц, заранее отобранные при приемке дичи (или покупали их у разных препараторов, приобретавших выродков таким же способом, т.е. на рынках и базарах, а не при посредстве «экспедиций» и организации «научных сборов»).

Опуская роль охотников, добывавших эти выродки случайно из подвернувшихся им среди миллионов пар нормальных птиц и вместе с ними посланных на съедение столичным жителям, решающим моментом для научного использования этих птиц являлась роль самих **торговцев** дичью. Руководствуясь наживой, продавая «выродки» дороже, чем обыкновенных птиц, торговцы Рынков оказались против воли в положении посредников между охотниками и наукой. Роль зоологов, скупавших «выродки» сводилась только к денежному поощрению торговцев, в их работах по отбору дичи и выискиванию ценных экземпляров. Ни направлять, ни ускорять находки — мы, конечно, не могли.

Вполне случайно, «самотеком» направлялись бесконечные миллионы пар тетеревов в Москву со всех концов России (и особенно Сибири) с тем, чтобы осесть в... желудках обывателей и лишь в ничтожной доле (примерно один «выродок» на несколько миллионов птиц с нормальным оперением) — в руках любителей-зоологов, а через них — в витринах Дарвиновского Музея.

Таким образом на положении «сборщиков» научных материалов оказались в данном случае «охотнорядцы» мясники, торговцы и приказчики в мясных торговлях⁴, т.е. персонал не только чуждый для науки, но отчасти и активно ненавидевший ее (известны избиения «охотнорядцами» студентов в дни «студенческих волнений»). Никаких «исследовательских» элементов в этих «сборах», проводившихся

---

⁴ расположенных когда-то в центре города на месте нынешней гостиницы «Москва» (дотопе называемом «Охотный Ряд».)

охотнорядцами, искать, конечно, не приходится. Но не было их — этих «исследовательских» элементов — и в подходе большинства людей, скупавших эти выродки у «мясников».

И в самом деле. Чем руководились три фанатика-любителя в своих энтузиастичных сборах, охвативших в общей сложности одно столетие? Что побуждало их затрачивать большие деньги (и как в случае пишущего эти строки, скромный личный заработок...) на покупку редких выродков? Побочные мотивы были разные у каждого из трех, но всего прежде не «идейные» запросы, не **научные проблемы** о значении «мутаций» в эволюции живых существ, а эстетическое чувство, страсть, влечение к необычным, новым типам изменения окраски и рисунка, упоение красотой, многообразием расцветок оперения — короче говоря: **мотивы не рассудочного, но эмоционального порядка**. В этом чувстве эстетического наслаждения от созерцания красивых форм, окрасок и рисунков, неожиданных в своих случайных комбинациях, в этой стихийной страсти настоящего любителя-коллекционера — временно объединялись поиски богатого спортсмена, препаратора-натуралиста и мальченка-гимназистика.

И если столь элементарные запросы этого последнего позднее осложнились и дополнились запросами идейно-познавательного свойства, то и ныне, после истечения почти полвека — элементы эстетизма неизменно оттеняют этот познавательный подход.

Не так ли и бывшие основатели позднейшей «Третьяковской Галереи» — руководствовались при создании ее не столько познавательно-научными заданиями — представить те или другие школы русского искусства в их взаимном оттенении, сколько страстью истинных коллекционеров, доводами эстетизма в области искусства — доводами чувства и мотивами эмоционального порядка.

Но из сказанного явствует, что признавать наличие «исследовательского» элемента при процессе сборов разбираемой коллекции даже в отношении указанных трех лиц возможно было бы только с большими оговорками. И в самом деле.

Этого «исследовательского» научного момента не было вовсе в сборах Андреевского, охотника-спортсмена, собиравшего свою коллекцию в чисто спортивных целях и еще при жизни передавшего ее Зоологическому Институту Петербургского Университета, где она и пребывала без движения до передачи ее Дарвиновскому Музею.

Этот «исследовательский» элемент присущ был в самой скромной доле препаратору натуралисту Лоренцу, довольствовавшемуся кратким описанием главнейших выродков, изготовлением цветных таблиц с отдельных форм, но в стиле старых монографий чисто описательного свойства без попыток более глубокого подхода к объяснению явления.

Этот исследовательский элемент отсутствовал почти всецело в первые десятилетия сборов пишущего эти строки во время посвященное лишь интенсивнейшему собиранию материалов. И лишь после расширения последних, в частности по пополнении коллекций Дарвиновского Музея после Революции — обилие и замечательная повторяемость определенных типов изменения окраски и рисунка оперения данной птицы, натолкнули автора на мысль о сопоставлении этой изменчивости с таковой, веками установленной на оперении домашних кур и впервые позволили доказать гомологизацию этих рисунков, перекинув мост от Систематики к Генетике, связав две чуждые дотолде области: исследования генетиков над одомашненными формами и случаи аберративной изменчивости оперения у диких птиц⁵.

Из сказанного явствует, что ни процессы коллектирования, сборы материала, ни его определение и систематизация, ни даже первые шаги к научной обработке не обязаны включать в себе **«исследовательских»** элементов, обязательно присущих лишь последней и завершающей ступени всякого научного исследования: претворения фактов в обобщающие их идеи, при условии их новизны в науке и доступности для коллективной критики или проверки.

И однако, именно она, эта научно-исследовательская обработка материала всего менее «музейна», всего менее зависит от возможности ее «музейной экспозиции», и даже более того, нередко, всего более страдает от нее!

В итоге — любопытное противоречие экспозиционной и исследовательской работы, антиномия деятельности музейцев и ученых.

Оставляя до последующего — конкретное обоснование этого тезиса продолжим наш анализ и коснемся двух оставшихся моментов деятельности музеев, именно: хранения материала и показа его массовому зрителю.

- В. Хранение музейных материалов нужно четко различать от функции показа. Идентичные в музеях архаического типа (выставлявших **все** наличие своих сокровищ), два понятия: «Хранения» и «Показа» гораздо чаще находятся на положении двух враждующих моментов: улучшение показа — покупается ценой снижения сохранности объекта и наоборот; надежнейшее сохранение музейных материалов (в абсолютной темноте и свернутом, компактном виде) исключало бы его показ для массового зрителя Музея.)

Перед нами новая антиномия — угрожающая самой сущности музейной практики, показу, демонстрации. Не трудно видеть, что при радикальном разрешении своей антиномии эта может привести к дилемме: либо в интересах максимально- длительной сохранности музейных материалов отказаться совершенно от экспонатуры (как это имеет место в Лейденском музее), либо бросить все объекты в экспозицию, но отказаться наперед от максимальной их сохранности (как то имеет место и доселе в ряде архаических музеев.)

К счастью для музейной практики — дилемма эта существует лишь в теории, поскольку большинству музеев наших дней обычно удается примирить между собою оба требования, путем оправданных и более или менее бескровных компромиссов.

Не касаясь временно методики последних — возвратимся к основному пункту нашего анализа — к вопросу о наличии «исследовательских элементов» в области музейной практики. Обычно в области «хранения», момент **исследовательский** выступает разве только в смысле изучения приемов сохранения музейных материалов и борьбы с вредителями (молью, кожеедами). Больше техническая, чем научная эта работа обусловлена потребностью в показе: обязательностью экспонирования материалов и тем самым обречением их на порчу от влияния пыли, света и других вредителей, легко преоборимых в отношении фондовых **невывставочных** материалов.

Но поскольку большинство музеев в повседневной своей практике довольствуется общеизвестными приемами и новых изысканий в этой области не производит — говорить о «собственно научной деятельности» музеев в этой области, обычно не приходится.

- С. **Экспозиция, показ.** Этот существеннейший, основной спецификум музеев — уже был затронут в предыдущем изложении, в частности со стороны соотношения экспозиционной функции и «консервирующей» — функции хранения.

Нам предстоит сейчас коснуться вкратце отношения моментов экспозиционных и исследовательских.

Первое, что нам приходится отметить — это продолжение антиномии, уже приведенной выше: то обратное соотношение, которое мы указали для моментов консервации и показа — та же самая антиномия разделяет функцию показа от исследовательской работы. И понятно почему. Ведь взятая, как таковая «функция хранения» бессмысленна, оправдываясь лишь заботой о предельном сохранении **научных** материалов, как опоры, базы для **научного** исследования. Для каждого сознательного, компетентного ученого-музейца вверенные ему научные коллекции — являются на положении того исходного, «канонизированного» **Метра**, что хранится в положении исторического документа в недрах Парижского подвала.

И бесспорно, что по отношению к бесчисленным объектам, как живой природы, так и человеческого быта — этот ригоризм полностью оправдан. И как не разумно, как преступно было бы открывать выставлять на свет, в стенах музея, уникальные оригиналы документов исторического содержания, (а не заменить их копиями!), совершенно также неразумно и преступно выставлять на свет редчайшие, порою уникальные коллекции по естествознанию, рискуя их сохранностью и самую возможность ученым будущим времен использовать эти коллекции, как исторические документы по вопросу об изменчивости организмов.

Из изложенного явствует, что **три** момента деятельности музеев пребывают в постоянном внутреннем конфликте: функции **Показа, Изучения и Хранения** или, говоря точнее — первые две функции противоречат третьей; и от эрудиции, от такта, от практического опыта музейца целиком зависит обеспечить

равнодействующий компромисс: условно (но и лишь условно!) примирить в стенах музея нужды современного ученого сохранность материалов, интересы будущих ученых и запросы современного нам массового посетителя.

Однако, прежде чем переходить к разбору практикуемых путей и способов такого примирения — покончим с нашим основным вопросом и посмотрим, в какой мере можно говорить о собственно исследовательской работе в области показа или экспозиции.

Не трудно видеть, что назвать эту последнюю работу подлинно «исследовательской» можно лишь весьма условно. В самом деле. Разрабатывая экспозицию какого-нибудь **нового** отдела в выставочных залах — о какой исследовательской работе можно было бы здесь говорить?

Вернемся к вышеприведенному, конкретному примеру. Предположим, предстоит задача: разработать экспозицию для массового зрителя, взяв упомянутую выше тему — индивидуальную изменчивость окраски оперения наших промысловых птиц на уникальном материале **Дарвиновского Музея**.

Содержание тематики и вещный материал ее уже даны — итоги полувекового собирания и изучения и при том без отношения к музею и его задачам: ни покойный Андреевский, ни покойный Лоренц не были музейцы, а научная работа автора — подведшая итоги долголетнего исследования этой группы птиц — опубликована была в научном сборнике, а не в музееологическом издании.

Таким образом, музейец, приступающий к задаче экспонирования разбираемой тематики берет ее в **готовом** виде, ничего не прибавляя и не убавляя в ней по существу, и только применяясь к отведенной экспозиционной площади и к уровню запросов массового потребителя (или, что то же: «профилю Музея»).

Но каким бы образом ни оформлял бы наш музейец эту тему в форме ли таблиц, рисунков или препаратов, в форме ли картин или диапозитивов — на самой **Орнитологии**, ее фактическом или идейном содержании — все это ни в малейшей степени не отразится. В лучшем случае эти музейно-экспозиционные работы могут быть сравнимы с деятельностью издателей или технических редакторов научного труда, людей, влияющих только на **форму** опубликования, но не на **содержание** издаваемой книги.

В этом смысле — самая искусная экспонатура, даже будучи закреплена в печати, остается без влияния на науку, в ней отображенную и самые искусные музейные работники не более причастны к творческой исследовательской работе в Зоологии, чем метранпажи и редакторы зоологических изданий.

И, однако, не причастные к науке, отражаемой в экспонатуре, Систематике, Генетике, Фаунистике и Дарвинизму — авторы музейной экспозиции музейцы — как **Ученые** и как исследователи работают в некоей другой науке, новой и едва лишь зарождаемой — в **Музееологии**.

Эта наука, посвященная исследованию приемов, **методов показа** экспозиции в музейных залах массовому посетителю музеев, изучению различной степени доходчивости разных музееологических приемов, обследованию самих музейных зрителей, как «потребителей» музеев, изучению методов практической проверки степени действительного восприятия экспонату у различных зрителей (в зависимости от образовательного, возрастного уровня), сравнительному изучению значения или роли устных (лекционных) или письменных (этикетаж) пояснений и т.д.

Касаясь необъятной области вопросов (логики, эстетики и психологии) новейшая музееология является в такой же степени наукой, как и всякая другая область, человеческой культуры, человеческого знания.

Из сказанного явствует, что понимаемая в строгом смысле слова выражающем спецификом, особенность музеев (в полное отличие от Институтов и Лабораторий) **собственно научная, исследовательская роль музеев** выражается лишь в **разработке новых методов показа, в экспозиционной технике**, т.е. в критическом анализе уже известных или в разработке новых методов или приемов экспозиции.

Все остальные темы или направления работы (описание, определение коллекций, расшифровка, систематизация материалов) — мыслимы и **вне** музейной обстановки, вне музейных стен. Но без работы над методикой показа, без обследования «доходчивости» экспозиции для посетителей Музея — **главная его научная, исследовательская работа остается незатронутой**.

Но и обратно. В каждом из больших музеев за границей и у нас хранятся необъятные коллекции (будь то гравюры и рисунки, насекомые и раковины, шкуры и скелеты, черепа зверей, обломки ископаемых...) заведомо **ненужные для экспозиции. Это — научный фонд Музея** представляющий нередко главную и основную его ценность. Именно она, эта сокровищница от рядового посетителя Музея часть и доставляет главную тематику для всех «исследовательских» работ Музея. Ликвидируйте этот «запасный фонд», и собственно-научный персонал Музея разбежится — за отсутствием работы.

Также совершенно мыслимо, что все научные объекты данного Музея полностью описаны, а поступающие вновь в виду общеизвестности своей не представляют темы для научного исследования — как например в «музеех слепков». В этих случаях ученому исследователю с таким музейным материалом — делать нечего. Но тот же материал может таить громадные возможности для разрешения вопросов собственно «музейного» характера, — вопросов экспозиции и связанного с ней комплекса проблем.

Таковы обратные соотношения двух подразделов большинства музеев крупного масштаба: **собственно-научного**, определяющего вещную тематику музея, лишь частично поступающую в экспозицию и **экспозиционного**, касающегося только методики **показа** соответствующих отраслей наук.

Едва ли нужно говорить, что это разделение

а. исследования материала, содержания тематики учеными

б. изучения методов его показа массовому зрителю

обычно смешивается лишь потому, что роль исследовательских институтов и задачи массовых музеев слишком часто сочетаются под той же крышей, как это имеет место в краеведческих музеях, большей части областных и большинстве столичных.

И, однако, обусловленное внешними причинами, такое совмещение под той же крышей институтов и музеев не является конечным разрешением вопроса. Хорошо известны крупные музеи в Западной Европе и у нас, не проводящие исследовательской работы (в общепринятом значении слова!), но всецело занятые только экспозиционным делом. Эта экспозиционная работа опирается, конечно, на научную, но производится последняя **не** в помещении музея, а в исследовательских институтах и лабораториях, порою теми же музейными работниками, но на более обширном материале, чем представленный в экспонатуре данного музея.

Именно такому разделению труда обязаны своим успехом многие крупнейшие музеи, как мы видим это на примере нашего «Музея Ленина» лишь претворяющего экспозиционно материал, научно разработанный в исследовательском Институте Ленина: здесь — поле деятельности для историка-ученого, там — для литпросветчика-музейца.

Не всегда, конечно, эти два раздела — «показательный» и «фондовый» так резко разграничены. Возможны случаи, когда объекты, уж давно описанные и «научно-отстоявшиеся», в экспозиционных залах, снова делаются предметом дополнительного изучения, или что гораздо чаще, новые разделы экспозиции проводятся за счет научных фондов.

Тем не менее приведенное деление принципиально остается в силе: существуют тысячи ученых — «не музейцев» и обратно, тысячи музейцев — не ученых. — Существует множество работников в музеях тяготящихся «музейным» (т.е. «экспозиционным») делом и громадное число музейцев, не ведущих никакой «исследовательской» работы. Есть ценнейшие коллекции, негодные для экспозиции и есть ценнейшая экспонатура, малоценная для собственно научных целей.

И не трудно показать причины этого разлада. Коренятся они в прошлом, историческом развитии и росте большинства музеев.

Подавляющее большинство последних, как известно, зародилось из «Кунсткамер» при дворцах вельмож и «меценатов», реже состоятельных ученых и любителей подобных Гансу Слоану или Боэрхаву.

Но в обоих случаях мотивы собирания сводились к накоплению возможно больших редкостей и в наибольшем их количестве.

Однако, в разбираемую пору, на заре науки, ценное «музейно» было ценно также в отношении научном. Все достойное науки почиталось, как достойное для помещения в музеях. Ценности научные и ценности музейные в ту пору совпадали, понимались, как синонимы. Не даром даже много позже, до середины прошлого столетия, опубликовываются научные работы, опирающиеся целиком о выставочные материалы, размещенные в музеях без боязни их перегрузки. Понятно, почему. Самих ученых эта перегрузка не могла пугать, об интересах же широких масс в ту пору не заботились. К тому же для последних ценность и значение музеев того времени определялась не реальным знанием в них получаемым, но импозантностью, обилием, количеством показываемых материалов.

Как в истории науки ранг ученого определялся некогда количеством латинских терминов, введенных им в науку, так и при оценке ранга и значения музеев в разбираемую пору, (а порой, увы отчасти и доселе!) руководствовались инвентарной численностью материалов, без их разделения на «фондовые» и на «экспозиционные».

Это деление музейного собрания на «фондовые» и «показательные» сложилось, как известно, относительно недавно, на исходе прошлого столетия⁶, явившись следствием уступки демократизации научных знаний и сознанием нерациональности показывать **весь** материал музея в выставочных залах.

Под давлением этих двояких стимулов, возросшей тесноты музейных стен и появлению новых потребителей в лице народных масс, — музеи начинают отмежовывать общедоступные и выставочные отделы: («Шаузаммлунг») от фондовых, не выставочных (Штудиензаммлунг, Грундзаммлунг).

И параллельно этому шло менее заметное деление самих музейцев на **исследователей-ученых**, сохранивших навыки былых музейцев, т.е. видевших в музеях лишь лаборатории для собирания и изучения коллекций, и **ученых музеев**, смотрящих на музеи, как на мощные рассадники для просвещения народных масс.

Таков двоякий облик современного музейца и его двоякая задача — **изучить музейный материал и методы его показа**. А теперь посмотрим, в какой мере это раздвоение оправдывается и в наши дни, и нет ли способов к его практическому устранению.

Используем путь доказательства «от противного». Вообразим себе музейца, архаического типа, полагающего, что обязанность музеев **полностью** и «без утайки» выставлять свои сокровища всем посетителям для массовых осмотров и для массового изучения.

Естественно спросить: «Кому и для чего нужны такие экспозиции?»

Ведь совершенно очевидно и доказано итогом векового опыта, что выставление для общего осмотра массовому зрителю музея **всех** хранящихся в музее материалов, означает причинение **тремя** вреда:

- А. Ускорение порчи выставочных материалов,
- В. Затруднение научного использования материалов,
- С. Обесмысливание экспозиции для массового зрителя.

Рассмотрим порознь указанные **три** момента.

А. Угроза порчи выставочных материалов.

Не касаясь вовсе тех опасностей, которым подвергаются, увы! нередко экспонаты и особенно стоящие открыто и ничем не защищенные со стороны самих музейных зрителей, и опуская, равным образом, других живых и неживых вредителей (как сырость, кожееды, моль), грозящих как экспонатам, так и фондовым невыставленным материалам, ограничимся упоминанием о губительном влиянии **света**, этого быть может главного музейного «вредителя», труднее устранимого, чем все другие перечисленные выше.

И в самом деле. Если правильной постройкой здания, рациональной вентиляцией и надежной мебелью возможно максимально снизить вредные влияния пыли, сырости или живых вредителей — то остается

---

⁶ в Музеях Биологии по инициативе Гексли и отчасти Мебиуса.

основной и наиболее упорный враг музейной экспозиции — мы разумеем действие дневного и особенно прямого солнечного света.

Вредность этого последнего, конечно, далеко неодинакова для разных категорий экспонатов, минимальной следует ее признать для ископаемых костей или скелетов, пролежавших тысячи веков, и максимальной — для пигмента на покровах у животных, будь то оперения птиц, чешуек, крыльев бабочек, страдающих не только от прямого солнечного света, но и при рассеянном, диффузном свете.

Хорошо известно каждому зоологу-музейцу, что любая пигментированная поверхность, подвергаясь длительному действию дневного света (действие электросвета в практике музеев пока недостаточно исследовано) неизменно разрушается. **Замедлить или устранить такое разрушение — есть первая обязанность музейца.** И в зависимости от состава и от назначения оберегаемых коллекций эти требования выполнимы в разной степени.

Для **школьных**, учебно-вспомогательных коллекций, без труда восстановимых и предназначенных по самой сущности своей для постоянной демонстрации и непрерывной смены — можно поступиться длительной сохранностью объектов, ради их широкого показа и широкой циркуляции: неизбежная при этом порча материала представляется естественной «амортизацией», с которой по необходимости приходится мириться.

В меньшей степени оправдана такая медленная гибель более значительных коллекций, выставленных в музеях массового типа, часто без достаточного затемнения особенно при длительном рабочем дне, как то имеет место в некоторых учреждениях. С чувством сожаления приходится смотреть в подобных случаях на обреченные и частью уже погибшие и погибающие собрания коллекций бабочек и птиц. Источники столь неподдельного восторга у музейных зрителей, тропические бабочки и птицы, словно закрепившие на своем теле красоту и роскошь экзотического мира, помещенные в музеях, доставляют эти чистые восторги лишь ценою собственного разрушения.

Но очевидно, что мириться с этим разрушением музейных ценностей возможно только при условии, когда оно оправдано задачами культурного служения — реальной пользой, приносимой массовому зрителю. Тем энергичнее приходится бороться с этим злом в тех случаях, когда музейная экспонатура гибнет без реальной пользы для музейных потребителей, когда ущерб материальному не соответствует прирост даваемого знания: «пассив музейно-материальный» не сопровождается «культурно-просветительным активом».

Но как раз такое положение «идейно не оправданного разрушения» мы имели бы при демонстрации для массового зрителя **всего** наличия музейных материалов, при попытке превращения всех фондов в экспозиционные объекты.

И хотя реальное осуществление такой мысли в наше время вряд ли вообще возможно, тем не менее полезно подчеркнуть, что даже всякая частичная ошибка в этом направлении не может быть оправдана. И в этом смысле продолжающиеся кое-где попытки выставления на постоянный свет и неминуемую порчу фондовых коллекций без учета их **реальной** ценности для массового зрителя, должны считаться актами пусть несознательного, но от этого не менее бесспорного «вредительства».

Практический итог: все, что не может быть фактически использовано рядовыми посетителями данного Музея (даже при повторных посещениях последнего) все, что, являясь ценным для научного исследования, не может быть легко заменено идейно- равноценным экземпляром и в условиях и в обстановке данного Музея угрожает гибелью при демонстрации объекта в выставочных залах — все эти неоправданные разрушения должны быть предотвращены путем перевода экспонатов в положение «музейных фондов», для использования учеными-специалистами и в целях длительного сохранения.

Б. Затруднения для научного исследования.

Настолько очевидны и общеизвестны, что не требуют особых пояснений. И легко понять, что эти трудности растут по мере возрастания посещаемости Музея (длительности времени открытия), совершенства мебели (наличия стальных с зеркальным застеклением шкафов, не позволяющих повторно и легко орудовать с их содержимым..) Вместе взятые эти причины делают научное исследование некоторых экспозиционных материалов крайне затруднительным, а самые приемы экспозиционного монтажа (чучелами, а не тушками, гораздо более удобными для изучения в зоологических музеях), еще более усиливают эти трудности.

Мы переходим к самому решительному пункту В.

В. — Затруднения для массового использования музея.

Еще более понятны и аксиоматически бесспорны. В самом деле. Стоит только мысленно вообразить — на деле невообразимое! — что **десять тысяч** черепов, хранящихся в Московском Антропологическом Музее, (но доселе — к счастью — скрытыми от публики) увидят свет и многотысячным оскалом засверкают в выставочных залах, привлекая на себя внимание массового зрителя... Допустим еще менее вообразимое, что сотни тысяч птичьих шкурок и «несколько миллионов насекомых», мирно до сих пор покоившихся в сундуках и ящиках Моск. Муз. Зоологии предстанут перед взорами обычных рядовых музейных посетителей.

Является вопрос: Зачем, к чему и для чего нужны для массового зрителя, пришедшего «на часок» — «другой» в музей — такая груда черепов, словно сошедшая с картины Верещагина, со знаменитых очерков Грановского о войнах Тамерлана? Для чего эти миллионы насекомых, эти сотни тысяч птиц? Пересмотреть их порознь не легче, чем исследовать всех особей пролетных птиц или сочленов тучи странствующей саранчи!

Задача глупая, бесцельная, бессмысленная, безнадежная, поскольку для пространственного размещения этих миллионов бабочек, жуков и мух, для сотен тысяч птиц, потребовались бы километры полок и шкафов, а для закруживания, притупления голов злосчастных посетителей музея — месяцы и годы бесполезного, бессмысленного созерцания.

Нам скажут: для чего отстаивать так горячо трузимы и доказывать бесспорнейшие аксиомы? Но, однако, так ли это аксиоматично? Вспомним, что сравнительно еще недавно (в первой четверти текущего столетия) ряд крупнейших и ведущих музеологов Германии — как **Грэбнер** (Берлин), **Вейле** (Лейпциг) высказывались резко против разделения коллекций на «научные» и «показательные». Правда, эти выступления касались лишь этнографических музеев и коллекций, менее удобных для хранения их в свернутом, компактном виде. И, однако, те мотивы, что когда-то были выдвинуты этими учеными против деления коллекций на «Шау» унд «Виссеншафтлихе Заммлунг», головою выдают всю книжность, всю нежизненность, надуманность суждений и оценок. Нам достаточно послушать аргументы первого из приведенных двух ученых — бывшего директора Этнографического Музея в Берлине.

«Неверно положение — утверждает Грэбнер — будто публика выносит больше из немногочисленных собраний, нежели из больших. Выделение особых коллекций („Шаузаммлунг“) содействует такому положению вещей, когда в лучшем случае посетитель выносит понятие о разнообразии форм, в худшем — смотрит на музеи, как на прежние кунсткамеры с интересом к тому странному и своеобразному, что можно в них увидеть.»

«Если Музей — так продолжает Грэбнер — стремится дать непосвященному понятие... о соотношении различных форм, то он должен представить весь тот материал, над которым сам работал. Несправедливо — (полагает Грэбнер) — требовать чтобы заурядный посетитель в мыслях строил из десятой части материала то же здание, которое люди науки построили из всего материала....»

Таково суждение Грэбнера. Перефразируя его слова, мы можем только заявить: действительно несправедливо, более того — нелепо требовать, чтобы гигантский труд, сделанный несметными учеными за долгие века, изложенный в бесчисленных томах и на десятках языков — внесенный — пусть даже частично — в выставочные залы, был повторен «заурядным зрителем» во время пребывания в музее. Нелепо потому, что «заурядный зритель» всего прежде вовсе не захочет проводить этот гигантский, непосильный труд, а захотевши по наивности, поддавшись на заманивания господина Грэбнера, заведомо не сможет совершить его. Будь оно иначе — наш «заурядный зритель» превзошел бы несоизмеримо господина Грэбнера и весь его музейный штат сотрудников годами изучавших «здание науки», — между тем, как «заурядный зритель», заглянув в музей, «построит то же здание», на том же материале в несколько часов.

Проводя эту идею «уравнения» условий восприятия ученого и «рядового посетителя Музея» из Этнографии на Зоологию возможно пояснить ее на следующем примере.

Остановимся на двух классических работах первой четверти текущего столетия: работе Шампана и Грискома над явлением видообразования у птиц (крапивника) и замечательном исследовании Осгуда (над грызунами группы Перомискус), позволяющим вплотную подойти к решению проблемы видообразования.

Не входя в анализ или изложение выводов этих классических работ, напомним, что исследования первых двух ученых охватили 1.500 экземпляров той же птицы (крапивника) из разных областей Южной Америки, исследования второго автора, Осгуда, опирались о коллекцию мышей в 30.000 особей из разных мест Соединенных Штатов.

А теперь вообразим, что следуя советам Грэннера, мы, исходя из мысли «уравнять условия постройки здания науки для ученого и рядового зрителя», не довольствовались бы показом небольшой лишь части этих материалов, специально предназначенной, подобранной для иллюстрации главнейших выводов, но развернули бы перед музейным зрителем **весь** материал: 1.500 миниатюрных птичек и 30.000 диких полевых мышей.

Можно уверенно сказать, что рядовой музейный зритель после вынужденного рассмотрения **полуторатысячи** крапивников почувствует себя на положении человека, выбравшегося из крапивы, а приникший к 30.000 полевым мышам — почувствует себя на положении «епископа Гаттона», отбивающегося от мышей.

Короче и без аллегорий: только полное неразумение или грубейшая недооценка подлинных запросов, подготовки, сил и времени музейных «заурядных» зрителей могло внушить цитированному автору его нелепую идею — уравнения запросов и возможностей ученых и широкой массы посетителей Музея. В этом полном извращении идеи «общего образования» и типа массового зрителя мы узнаем, конечно, без труда знакомые нам перепевы, часто раздающиеся и в устах отечественных музеологов, — мы разумеем представление об «идеальном зрителе», об идеальном посетителе музеев, обладающем бездонной памятью, неограниченным досугом, бесконечным рвением, неиссякаемыми силами....

Фальшивый, иллюзорный, созданный в оторванных от жизни педантических умах музейцев-бюрократов — этот фантастический воображаемый музейный зритель одинаково *НЕ* существует ни в Берлине, ни в Москве.

Повторно, много раз, подолгу удавалось пишущему эти строки посещать музеи Западной Европы, в частности этнографический Музей Берлина, но картина массового посещения последнего была, увы, все та же, что и вообще в музеях Лондона, Парижа, Вены, Брюсселя и Амстердама. Широко рассеявшиеся по музейным залам небольшие группы или одиночки порознь бродящие между шкафами останавливались у отдельных мест, случайно приковавших на себя особое внимание (размерами, окраской, необычной формой, вообще экстравагантным видом...), пропуская множество вещей, выцеливая лишь особенно заметное, то опуская целые отделы, то повторно возвращаясь на одно и то же место без малейшего желания или готовности «построить в мыслях» даже из десятой части материала то здание, которое люди науки построили из всего материала. Вздорное предположение, одинаково противоречащее и музейной практике, и жизненному опыту.

И можно только удивляться, каким образом противники принципа разделения музеев на разделы «Шау» и «Штудисзаммлунг» не вспомнили о практике учебников, вводящих лиц лишь приступающих к науке, не путем показа совокупности **всех** фактов данной области науки, но лишь небольшой их части, специально, методически подобранной, особенно наглядной для введения в науку.

Сообразно этому, в зависимости от конечных целей обучения, от подготовки и от продолжительности «курса» изменяются объем даваемого знания и толщина учебника, от грандиозных «Хандбухов», с их тысячами тысяч страниц, до толстых «Лербухов» в несколько сот страниц, до лаконических «Лейтфаденов» «Грундцюге» немецких авторов.

Но если таким образом обычно «градуируются» дозы знания для учащихся, **обязанных** усвоить предлагаемое знание, то тем более это уместно в отношении людей «**факультативно**» посещающих музей без всяких обязательств к усвоению предмета и стремящихся лишь к общему образованию.

А между тем ведь, существуют тысячи объектов, тысячи вопросов, ценных только для профессионала, но лишенных ценности для массового зрителя.

Первая обязанность музея, претендующего на задачи массового учреждения — учесть это различие запросов двух различных категорий посетителей: обслуживать **профессионального ученого**, или **любителя** с уже готовым интересом к области познаний, отражаемых музеем, и преобладающего **массового зрителя**, нуждающегося всего прежде в том, чтобы оказаться заинтересованным. Вот почему первейшая обязан-

ность музеев массового типа заключается как раз в «захвате интереса» массовых зрителей и поддержания его до выхода из стен музея. Думать, будто разрешение задачи этой достигается демонстрацией в стенах музея — тридцати тысяч полевых мышей, десятков тысяч черепов и сотен тысяч птиц или миллионов бабочек — так думать могут только **не** ученые, **не** педагоги, **не** музейцы.

Представляется сомнительным, чтобы действительный «хозяин», «мастер» в области науки не сумел бы ярко, красочно и убедительно представить выводы своих научных знаний и открытий иначе, как только приводя весь арсенал фактического материала. Справедливо было сказано, что все существенное, нужное для человека жаждущего приобщиться **к самым общим методам и выводам науки** — помещается на «человеческой ладони». Кто не смог, кто не сумел представить эти выводы при помощи десятка черепов или десятка птиц — тот не сумеет это сделать и на тысячах. «Мельчайший факт в природе есть окно, через которое возможно увидеть Вселенную» — это мудрейшее изречение величайшего биолога и дарвиниста Гексли, слишком часто забывают авторы больших музеев и сторонники «исчерпывающих» экспозиций.

Мы подходим к крайне важному, решающему элементу нашего анализа. И в самом деле. Защищая обязательное разделение коллекций каждого музея на две части: на одну сокрытую от массового зрителя и предназначенную для научного исследования, другую — приспособленную для широкой массы посетителей музея, мы категорически противимся тому разграничению понятий, что обычно вкладывается в выражение «Шау» унд «Штудиензаммлунг».

Введенные когда-то, полстолетие тому назад, два эти термина, служили выражением того воззрения, будто один отдел музея предназначен для ученых, для «штудирования» фондовых коллекций, а другой отдел для «созерцания» (Шауэн) массовым зрителем.

Однако, лишь условно справедливо и для своей поры (штудировались не одни лишь фондовые, но и выставочные экземпляры) это понимание в корне и решительно противоречит современному воззрению на сущность популяризационной деятельности музеев и должно быть полностью оставлено.

И в самом деле. Как наивно кажется нам представление, по которому один раздел Музея занят «важным» для музея делом, именно обслуживанием ученых, а другой раздел «побочным» делом — «популяризацией» научных знаний. Там — «Высокая Наука» — здесь роняемые с ее «престола» — крохи «научнообразных знаний». Там — «штудируют», — здесь — «созерцают», или попросту «глядят».

Как совершенно иначе, однако, смотрим мы сейчас на эти два раздела современного Музея. Не желая ни в малейшей степени унизить роль и ценность «созерцательного» элемента при процессе познания, мы тем решительнее выдвигаем основной девиз: **для голого, пассивного, не творческого созерцания** (тем более «глядения») **нет места ни в одном разделе современного музея.**

Эти современные музеи мыслятся всецело, исключительно, как «штудиенмузеум». Выставочный их Отдел в такой же мере предназначен для «штудирования», как и фондовый Отдел. И там, и здесь — одна и та же полновесная и полноценная наука с той лишь разницей, что там — лаборатория науки — здесь ее важнейшие итоги, в свою очередь могущие, однако, навести на новые научные открытия, дать постановку новых, неизученных проблем.

«Штудируют» и там, и здесь, но только в разном «стиле», в разной степени, с различной глубиной, и разными итогами. Ведь и сидящие над фондовыми материалами, ученые не обязательно приходят к **новым** выводам. И дело не в новаторстве последних, (не всегда, конечно, обеспеченных) а в способе подхода к материалу. А подход этот принципиально мыслится одним и тем же в фондовых хранилищах и в экспозиционных залах; для ученого исследователя и для массового зрителя и там и здесь — задача та же: приобщение к познанию, а не к разглядыванию предметов, там — в Отделе фондов — в состоянии более сыром и малоподготовленном для восприятия, здесь — в Выставочных Залах — в состоянии, предельно приспособленном для усвоения массовым зрителем.

Условно можно было бы сказать, что отношения отделов Экспозиционного и Фондового может быть сравнимо с положением двух основных разделов Библиотеки: общедоступного для массовых читателей и специального, заведомо лишь для ученых. Но заведенное в практических, служебных целях это разделение библиотеки на два раздела, разумеется не абсолютное, и каждому ученому не возбраняется воспользоваться массовым читальным залом, как и массовый читатель — при наличии достаточных мотивов, может быть допущен в специальный зал.

Вот почему былую и когда-то широко распространенную классификацию коллекции музеев на «Разделы Созерцания» (Шаузаммлунг) и Разделы Изучения (Щтудиензаммлунг) представляется уместным заменить другими терминами, различая — «Фондовые», или «**Специальные**» разделы и Отделы Выставочные (Экспозиционные) или **Общие**.

Теперь является вопрос. Такое разделение музеев на разделы **Фондовые** (Специальные) и **Общие** (или иначе, — **Экспозиционные**), это деление возможно ли его считать предельно выгодным не только для самих музеев, но и для науки и самих ученых?

И другой вопрос: полезно ли дальнейшее их разделение и автоматизация?

Не трудно видеть, что решение этой проблемы может быть сводимо к следующему вопросу:

Будет ли полезно для развития массового просвещения, если персонально и локально **Выставочные Отделы** массовых музеев совершенно обособятся от **Фондовой** их части, или, говоря иначе, **Выставочные Отделы** лишь одни и сохранят название «музеев», между тем как **Фондовые** их Отделы ограничатся «исследовательской» работой, перейдя на положение «**Исследовательских Институтов**».

Или, еще более решительно и сжато: выгодно ли будет полное разграничение ученых от музейцев, полное изъятие от первых — экспозиционной деятельности, а от вторых — исследовательской или собственно-научной?

Первое, что нам приходится ответить, это то, что самая проблема эта приложима только к очень небольшому кругу дисциплин, доступных для широкого и массового внешнего показа не касаясь множества наук, по самой сущности своей не подлежащих массовой музейной популяризации. Проблема эта несущественна ни для лингвиста, ни для математика, поскольку в практике этих ученых самого вопроса о музейном превращении Санскрита или Дифференциальных исчислений никогда не возникало. Но и в тех науках, самая тематика которых больше призвана для популяризации — пределы вещного показа содержания этих наук довольно ограничены. Достаточно напомнить, как неодинаково доступны для музейного показа две столь близкие между собой науки, как Ботаника и Зоология, или в пределах Зоологии — различные ее разделы. Таким образом поставленная выше кардинальная проблема: должен ли музейец быть ученым, а ученый обязательно музейцем, приложима только к очень ограниченному полю человеческой культуры, правда, наиболее, быть может, действительному, ибо обнимающему ряд важнейших элементов общего образования. Возвращаясь к комплексу наук, особенно нам близких, к **Зоологии**, как привлекающих центральное внимание во всех биологических музеях, можно сформулировать интересующую нас проблему, следующим образом: **сохранять ли впрямь зоологические музеи при создавших их исследовательских институтах, или предпочесть дальнейшее существование обоих как отдельных и независимых организмов?** Институты сами по себе, — музеи сами по себе?

На первый взгляд могло бы показаться, что такое разделение — только на пользу для развития обоих: Институты разгрузятся от заботы экспозиции, музеи — от ученых, тяготящихся работами «музейцев». Но на деле это — далеко **не** так.

И в этом мы наглядно убедимся, если разберем этот вопрос со следующих двух аспектов:

А. Последствия такого разделения для исследовательских Институтов, для ученых?

В. Последствия отрыва для самих музеев (для музейцев)?

Вообразим, что крупные музеи (типа Зоологического Музея Академии Наук или Московского Университета) будут обособлены, отделены от соответствующих институтов. В результате получился бы двойной отрыв: **Отрыв ученых от Музея и отрыв музейцев от науки.**

А. **Отрыв ученых от Музея, от участия в его работе** возымел бы следующие последствия:

а. Часть **выставочных** материалов, представляющая ценность и в научном отношении (монтированные уникалы — подобные «мамонту» Зоологического Музея Академик Наук — и множество других музейных **Экспонатов**, несравненно более ценных для научного «доследования») оказалась бы изъятая из прямого ведения ученых и передоверенная «музейцам», не могущим должным образом использовать по-

добный материал в исследовательском отношении. В итоге — множество ценнейших материалов оказалось бы «законсервировано» в отношении науки.

Продолжая приведенное уже сравнение, надо было бы сказать, что часть ценнейших книг, обслуживавших до того, как массовых читателей, так и ученых, оказалась бы всецело переданной первым и изъятая от возможности использования вторыми. Защищать такое положение — заведомо нерационально.

- b. Отрыв **Исследовательских Институтов** от музеев — крайне затруднил бы привлечение новых кадров будущих ученых. Хорошо известно, что громаднейшее большинство зоологов фаунистов-систематиков обычно рекрутируется из «музейных зрителей» за счет тех молодых и прирожденных коллекционеров-наблюдателей, которые обычно свою первую вступительную школу зоологии прошли в зоологическом музее.

В еще большей мере эта связь ученых с молодыми кадрами необходима в тех музеях, что находятся в ближайшем отношении к соответствующим кафедрам и ВУЗам. Находящиеся при последних (связанные персонально или лишь топографически) музеи могут быть сравнимы с «вещными» изданиями лекций для студентов и попытка передать такой музей в единоличное заведование «музейцев» — значило бы вверять им и состояние будущей науки, воспитание будущих ученых, что, заведомо, недопустимо.

- c. Разобщение ученых от музеев — отрицательно сказалось бы на пополнении научных материалов, притекающих в исследовательские институты. Хорошо известно, что в больших музеях, (а о них только идет здесь речь!) все основное в «экспозиции» обеспечено настолько, что не нуждается в особых радикальных дополнениях вещного состава.⁷

Да к тому же при наличии под руками — в фондах всех необходимых материалов — пополнение и освежение экспонатуры производится автоматически без малейшего труда.

Не то — при выделении Музея и его отрыве от исследовательской работы. Хорошо известно, что как раз через музеи всего чаще и всего прочнее могут быть завязаны сношения ученых с местными любителями ко взаимной пользе.

Институт, ученые приобретают ценных для себя корреспондентов, наблюдателей, поставщиков ценнейших материалов, часто из отдаленных мест, лежащих за пределами возможных экспедиций. Местные любители-натуралисты, наблюдатели-охотники и краеведы получают должное, квалифицированное руководство от авторитетных опытных ученых. Но как то, так и другое мыслимо лишь при условии, что есть «Музей», как центр притяжения для масс (и в том числе для массовых любителей природы), и что есть ученые-специалисты, знатоки науки, идейно-, вещно, и эмоционально заинтересованные в пополнении своих научных материалов, как исходной базы для исследовательской работы.

Но лишите Институт Музея, или ограничьте Музей одной лишь «просветительной работой», вверенной специалистам-музеологам, умелым в экспозиции, но мало сведущим в самой науке — не производящим никакой исследовательской работы, кроме изучения «методики показа», и указанная выше связь ученых и любителей, науки и влечения к науке с мест — тем самым неминуемо порвется.

Хорошо справляющийся с местной фауной, с материалом **своего** Музея музеолог затруднится в консультации приехавших с далеких мест, а собирая только материалы собственного края (например Московской Области) он мало заинтересован сборами и наблюдениями проделанными на Камчатке и Карелии.

В итоге предлагаемый отрыв исследовательских Институтов от Музеев будет означать отрыв ученых от периферийной сети наблюдателей-натуралистов, исключение последних от участия в строительстве науки. Защищать такой отрыв нет ни малейших оснований.

Таковы четыре главных «затруднения» в отношении самих ученых и самих исследовательских Институтов в случае изъятия от них Музеев:

Затруднение в научном использовании ценностей, хранимых в экспозиционных залах,
Затруднение в подготовке кадров будущих ученых,
Ослабление связи с местными любителями-краеведами,

---

⁷ в полное отличие от «методики» показа — подлежащей бесконечным улучшениям!

Снижение возможностей для добывания научных материалов.

Переходим к рассмотрению обратного вопроса: каким образом отрыв музеев от исследовательских Институтов отразится **на самих музеях**?

а. Первое и неизбежное последствие такого разделения будет то, что будучи лишенным органической и постоянной связи с подлинно исследовательской работой и общения с учеными, **Музей** тем самым потеряет связь с наукой и рискует превратиться лишь в учебно-вспомогательное Учреждение.

Нечто подобное мы видим всякий раз, когда за составление учебников для средних школ берутся люди не причастные к науке, т.е. к творческой исследовательской работе, но и не желающие обращаться за советами и помощью к действительным ученым.

В результате — легковесные дешевые компиляции, насыщенные устаревшим хламом или в лучшем случае несущие печать дилетантского знания, полученного из «третьих» рук и, как вакцина при повторном применении, потерявшего свою былую вирулентность.

Повторяем: при господствующем ныне разделении наук и, в частности, образовании на глазах у нас особой отрасли наук — **Музееведения** — наивно думать, чтобы мастер в области музейной экспозиции, а этим самым и в работе с массовым музейным зрителем, одновременно был бы знатоком и всех наук, отображаемых в музее. И лишать такого «мастера показа» постоянного общения с учеными-специалистами в различных областях наук, служащих содержанием «показа» было бы, заведомо, нерационально.

Поручать музейцу неспециалисту в данной отрасли орудовать с научным материалом для преподнесения его широким массам, было бы немногим лучше, чем передоверить книжному издателю и метранпажу функции, обязанности автора печатаемой книги. Предоставленный себе музейец-незнарок науки будет в лучшем случае показывать науку в том объеме, в том аспекте или освещении, в котором сам он приобщился к ней в студенческие годы.

Мы не говорим уже о том, что непричастность музеолога к научному исследованию самих объектов, (а не только методов показа!) отразится неизбежно на экспонатуре, на обслуживании музейных зрителей, отлично понимающих где отзыв подлинного знания и где его пассивная и механическая репродукция.

Таков ближайший роковой итог взаимного разрыва, отчуждения науки и музея, обрекаемого в этом случае на роль учебно-школьно-показательного кабинета.

Из изложенного явствует, что факт общения музейцев, как специалистов в области «показа» и ученых-знатоков предмета, содержания этого показа, более необходим «музейцу», чем «ученому».

Последний мыслим **вне** музея, между тем, как первый при отрыве от общения с наукой и учеными рискует превратиться в «контр-агента» или «комиссионера» наукообразных знаний.

И, однако, говоря о бóльшей «автономности» ученого перед музейцем в этой связи их обоих, надо помнить, что и для ученого исследователя — зоолога-фауниста и тем более биолога в широком смысле слова, факт наличия «под рукой» обширной аудитории, арены претворения успехов знания в общедоступное их восприятие широкой массой, благотельно и для самой науки, для самих ученых:

В самом деле, стоит лишь вообразить такое положение, когда ученый, приступающий к исследовательской работе и особенно к ее литературной обработке, наперед учитывает профиль «потребителя», угадывая интересы и широких масс.

Конечно, далеко не всякому ученому приходится решать подобную задачу. Есть науки и тематики, заведомо и вовсе недоступны для массового «потребителя». Да, наконец, и самое понятие «общедоступности» весьма условно. И, однако, не вдаваясь в схоластические тонкости, возможно думать, что подход к работе и манера изложения ее лишь выиграют от стремления автора расширить круг своих читателей за узкие пределы цеховых ученых. И не даром все крупнейшие умы-властители и корифеи знания — умели находить простой, живой общепонятный, образный язык в отличие от скучного, тяжелого, сухого стиля узких ограниченных педантов.

Сказанное о влиянии массовых читателей на стиль ученых-авторов еще в гораздо большей степени касается ученых, связанных с музеями.

И в самом деле. Всякому, знакомому с работой лектора-экскурсовода в выставочных залах, хорошо известно, как реально и как благотельно влияет связь с музейным зрителем на усвоение тематики самим лектором. Как лишь прошедшее через идейный фильтр постоянного общения с массами становится вполне отчетливым и для ученого. Как все излишнее и узкое, все порожденное чрезмерным профессионализмом или узко-персональным интересом, постепенно отпадает, сглаживается при изложении предмета массовому слушателю, оставляя место лишь для основного, общезначимого и общепонятного.

Для каждого ученого общение с массами сравнимо с восхождением путника на склон горы с намерением окинуть общим взглядом расстилающуюся под ним равнину и лежащие на ней селения.

С каждым шагом, удаляющим от города, стираются, бледнеют недостатки, видимые лишь вблизи: однообразие домов и теснота дворов, и узость улиц и в широкой панораме, поглотившей все частичное и теневое, раскрывается картина города в его ландшафтной обобщенной красоте.

Не так ли и ученый, охвативший перспективным взглядом горизонт науки, приобщивши к ней широкие круги нашего общества, в этом общении с ним освобождается от цеховой «учености», мешающей нередко общечеловеческим исканиям, увязке истинной науки с жизненной правдой.

Возвращаясь к сложной и запутанной проблеме о взаимной связи между музеологом-ученым и ученым не-музейцем, следует признать, что высшей формой этой связи будет та, которая возможна только при объединении обоих на одной тематике, в стенах того же учреждения. Лишь эта согласованность тематики, научной и экспозиционной, обеспечит подлинный успех работ ученого исследователя и исследователя-музеолога: уберезет музейца от вульгаризации науки, от ее заимствования «на прокат» из «третьих рук», от упрощенчества науки, а ученого — от цехового педантизма и корифеизма.

Всего лучше, совершеннее такое требование там, где функции ученого и музеолога — хотя бы лишь частично совмещаются в одном лице, в одном призвании. И в этих редких случаях такого синтеза приходится искать ближайшие причины выдающихся (конечно, для своей поры) успехов некоторых музеев за границей и у нас, руководимых крупными учеными и видными новаторами в области музейной практики.

Гораздо чаще обе функции — ученого и музеолога — бывали разобщенными по разным лицам и порой на положении соперничающих элементов.

И, однако, даже это неустойчивое отношение двух начал — научного (познание вещи) и музейного (познания его показа) больше обеспечивает рост Музея в целом, чем насильственное разделение обоих по различным учреждениям без сохранения топографической, идейной, персональной связи.

Будем помнить: каждый истинный музей есть «организм», обладающий определенной внутренней структурой, внутренней архитектурой. И как нельзя насильственно «объединить» музеи, не ломая их структуры, т.е. не уничтожая их как целостные организмы, также невозможно «разбивать» Музеи на их составляющие части, не рискуя получить на место прежних «организмов» их безжизненные части — «disjecta membra».

Всякая попытка провести такое разделение без учета этих угрожающих последствий, может разобщить музеи от науки, а ученых от широких масс.

Не трудно видеть, что вопрос о том, что разуметь под выражением «Научно Исследовательская» работа в области музейной практики — есть только частный случай общего вопроса о «научно-исследовательской работе» вообще.

Согласно предыдущему эту музейную работу мы подразделяем на два подотдела: **Изучение Вещей и Изучение их показа.**

Изучение Вещей и материалов, сохраняемых в Музее: собиание, определение, систематизация и обработка материала. Эта функция музея, как мы видели **не** характерна для него. Имеются на свете тысячи крупнейших знатоков науки, антропологов, зоологов, этнографов стоящих вдалеке от всякого музея, не имеющих понятия о музейном деле. И недаром ряд крупнейших существующих музеев Запада, руководимых крупными учеными, является наглядной иллюстрацией того, как **не** должно устраивать музеи, предназначенные для широких масс.

Конечно, всякий музеолог должен разбираться в тех вещах, с которыми он оперирует. И все же эта сторона его работ — определение и расшифровка поступающих вновь материалов, не характерна, не специфична для музея и для музейца.

Совершенно мыслимо, как то мы видим на примере ряда выдающихся ученых, взявших на себя «попутно» руководство и организацию музеев, что прекрасные ученые бывают слабыми музейцами. Явление обратное, примеры совмещения в одном лице ученого и музеолога — свою редкостью только доказывают, что принципиально обе эти деятельности необходимо различать. Это их принципиальное различие особенно наглядно выступает в свете отношения обоих к функции обслуживания музейных зрителей.

Как часто приходилось видеть, что хорошие «научные» работники были негодными экскурсоводами из-за отсутствия влечения к педагогической и массовой работе, независимо от недостатков дикции, манеры говорить открыто перед массовой аудиторией. А между тем, в известном смысле вся работа в выставочных залах представляет из себя не что иное, как переведенное на вещно-образный язык общения ученых с массовым музейным зрителем.

И доверять подобную музейную работу «кабинетному» ученому, есть то же самое, что доверять работу педагога людям к ней мало призванным.

При неумелости, недоброй воле, или по нужде, возможно навязать эту работу с массами и лицам ненавидящим ее, но пусть тогда не удивляются, когда такие «педагоги» и «экскурсоводы» «по нужде» глушат и губят самые доходчивые экспозиции, отбивают интерес, охоту к знанию у самого пытливого ученика.

Отсюда вывод: если перед нами подлинный ученый и знаток в известной области науки (отражаемой Музеем), затрудняющийся принимать участие в работе по экспонатуре или массовой работе, то элементарнейшее требование «Разделения Труда» должно заставить нас не слишком горячо настаивать на привлечении такого знатока предмета — к оформлению его показа и к работе с массовым зрителем. Полезно помнить, что в культурно-просветительной работе более, чем где либо, успех работы целиком зависит от влечения к этой работе, от эмоциональных факторов, которые нельзя регламентировать.

Но еще менее возможно декретировать научные открытия со стороны музейцев- оформителей и знатоков показа. Хорошо, конечно, и в принципе даже обязательно, чтобы музейец одновременно с методикой показа, изучал и самый материал, но требовать от каждого музейца обязательно новаторских открытий в области самой науки — будет нереально, да и несущественно для массовой работы. И наоборот, если музейец, оформитель экспозиции, руководитель культурной работой в выставочных залах, сам не изучает ни методики показа, ни «доходчивости» экспозиции, ни требований и удовлетворенности музейных зрителей — то главная научно- исследовательская работа данного музейца остается **незатронутой**. Отказ такого оформителя- музейца и работника по выставочным залам от участия в руководстве экскурсиями и обслуживании массового зрителя заведомо и совершенно нетерпим, ибо равносильно уклонению от основной работы данного сотрудника.

Это активное участие музейца-оформителя в процессе личного обслуживания музейных зрителей необходимо потому, что лишь в общении с последним выясняются достоинства и недостатки экспозиции, размер «доходчивости» тех или иных объектов или установок, и пути возможных улучшений.

Как совсем отличны эти требования от тех, которыми еще сравнительно недавно думали довольствоваться в некоторых музеях:

Экспозиция последних, попросту, сводилась к проецированию в шкафы или витрины содержания соответствующих учебников и научных сводок, к замещению рисунков книг — таблицами, а текста — помощью этикетаж.

Вряд ли нужно говорить, что «экспозиция» такого рода не включает ни малейшего «исследовательского» элемента, и что в данном случае возможно говорить лишь о пассивном, механическом использовании чужих научных мыслей и общеизвестных фактов, взятых «на прокат» и лишь перетасованных в зависимости от размеров помещения.

Но немногим лучше обстояло дело и в музеях старого «систематического типа», ценность и значение которых целиком зависели не столько от «научности» Системы, полагаемой в основу, сколько от богатства экспонатов, кубатуры помещения и качества витража.

Вряд ли нужно говорить, что при организации таких музеев никаких специфически- музейных знаний, никакого опыта в подходе к психологии музейных зрителей не требовалось; молчаливо допускалось, что любой ученый «спец», знаток в определенной области науки этим самым будет и примерным, знающим организатором музея призванного вещно пояснить, «репродуцировать» страницы книг, а еще чаще — ходовых учебников. Вся роль музейца выразить пространственно, а часто лишь планиметрически, на плоскостных объектах, содержание общеизвестных книг для неизвестных потребителей, **обязанных** усвоить эту экспозицию безотносительно к ее достоинству, доступности для массового зрителя.

Насколько иначе рисуется эта музейная работа ныне при возросших требованиях науки и запросов к ней со стороны широких масс.

Там, где в былое время массовому зрителю предоставлялось самому посылно разбираться в выставочных залах и покорно принимать даваемое знание в меру своего разумения — там для музея наших дней — вся цель, все устремление последнего направлено к тому, чтобы предельно облегчить реальное, идейно-связанное для массового зрителя! Там — крохи знания, попутно лишь роняемые для широких масс с «высокого стола» науки, здесь — важнейшие ее основы и конечные итоги, сгусток, концентрат, экстракт науки, подаваемые в максимально сжатой, но предельно красочной, общепонятной, увлекательной, неутомительной и эстетичной форме.

И, однако, самое перечисление этих условий — раскрывает целую программу сложных и новаторских работ и целую систему методов, приемов, ухищрений и порой уловок, о которых ничего не знали прежние музейцы. В самом деле.

Сложная проблема об общественно-научном «профиле» Музея и его господствующем потребителе: музей «ассертивные» и «нормативные»; согласование запросов и условий для работы рядового, массового посетителя и зрителя-профессионала; применение обоих на одной и той же экспозиции; проблема обеспечения «музейного фарватера» идейно-планового изучения экспонатуры по отдельным стенам, залам и музею в целом; примирение запросов и методики обслуживания «Одиночек» и организованного в группы зрителя, различного образовательного уровня; обслуживание детей; роль лектора-экскурсовода и этикетажа, их взаимная антиномия, и пути к ее смягчению; борьба с кунсткамерными элементами экспонатуры и анализ восприятия ее у зрителя («Кунсткамерность» — двоякого порядка: объективного и субъективного); принцип эквивалентности, значительности зрительного восприятия объекта и его идейной значимости; о принципе «лаконизма» в экспозиции; о гигантизме в музейной практике; о выставочных и музейных типах экспозиции; о перманентной экспозиции и о «таковой сегодняшнего дня», об элементах обязательности и факультативности усвоения экспозиции, об эстетическом начале оформления экспонатуры; роль искусства в экспозиции научного музея (синтезирование скульптуры, живописи и научных экспонатов); проблема монотематичности и политематичности музейных зал; зрительно-идейная центрированность экспозиции (борьба с «периферийным полем зрения» в музейной экспозиции); борьба с «усталостью» и утомляемостью музейных зрителей. Различные приемы или методы учета эффективности работ Музея в целом и доходчивости отдельных экспонатов. Изучение музейных зрителей. Методы анкетно-статистические, фиксирование речевых высказываний и письменно фиксированных отзывов.

В этом достаточно громоздком списке мы отметили только главнейшие проблемы и задачи, выдвинутые музейной практикой последних лет. Но даже в этом сокращенном своем виде этот перечень достаточно упитан, чтобы целиком заполнить время, знания и силы одного музейного работника и огружать такого «мастера показа» обязательством — открытий в области самой науки — могут только люди, одинаково далекие научной и музейной практики.

К тому же все поименованные выше музеологические темы представляются в такой же степени **научными**, как и любая из проблем любой науки — Химии, Истории, Антропологии, Фаунистики и Географии. И разница между ученым-музеологом и химиком или зоологом лишь та, что по сравнению с ними музеологам приходится не только ориентироваться в главных выводах и методах этих наук, но всего прежде синтезировать эти науки в вещных образах и аргументах, обращенных к массовому потребителю — к музейным зрителям.

Иначе говоря, музейному работнику, музейцу наших дней, приходится не только пользоваться данными других наук, но пролагать непроторенные пути вновь зародившейся науки — сочетающей сложнейшие проблемы специальных знаний, техники и педагогики, эстетики и психологии, теории и практики — науки, именуемой «**Музеологией**».

Подводя итог предшествующему анализу, имевшему своей задачей выяснить соотношения различных функций современного музея массового типа, можно сформулировать эти итоги следующим образом.

1. «Научно-Исследовательская» работа, проводимая в музеях, распадается на два раздела: Изучение **предметов** и **методики показа**. Первое возможно также вне музеев (в Институтах и Лабораториях), второе специфично для музеев и не может быть осуществимо вне музейных стен.
2. Совмещение в музеях этих двух различных типов деятельности научно-исследовательской и исследовательско-музейной порождает ряд противоречий, между:
  - a. деятельностью ученых **не** музейцев и музейцев **не** ученых.
  - b. заботами о сохранении научных материалов и задачами показа.
  - c. задачами научного исследования и популяризации готовых выводов.
3. Неодолимое лишь при формальном, механическом подходе к разрешению это тройное противоречие практически доступно примирению лишь при условии разграничения.
  - a. фондовых коллекций от научно-показательных.
  - b. исследователей научных материалов и исследователей музейного показа.
  - c. разделения посетителей музеев на профессионалов (потребителей музейных фондов) и на массовых музейных посетителей одних лишь экспозиционных зал.
4. Обычное на Западе деление музейных материалов на «коллекции для изучения» (Студиензаммлунг) и «коллекция осмотра» (Шаузаммлунг) должно считаться в корне устаревшим и заведомо неприменимым для теперешних музеев массового типа. Содержание последних правильнее подводить под два раздела: **общий**, экспозиционный, предназначенный для массового посетителя (включая и ученых) и на **специальный**, фондовый — доступный лишь ученым. Там — задачи общего образования, здесь — профессиональных интересов, но и там, и здесь — **серьезное и вдумчивое изучение, а не рассматривание материалов**.
5. Тая в себе источники технических противоречий это совмещение современными музеями тройкой функции: исследования, хранения и показа — все же больше обеспечивает плодотворность деятельности Музея в целом, чем при разделении его на два самостоятельных и разобщенных учреждения — на **Исследовательские Институты** и **Музеи** для обслуживания широких масс. Лишенные музейных «фондов» и общения со знатоками их научного познания музея превращаются в «учебно-вспомогательные» Выставки, а отчуждение ученых от музейных зрителей способствует профессиональной узости работы первых и вульгаризации в обслуживании вторых.
6. Плодотворное для каждого ученого общение с широкой массой посетителей музеев **не** должно носить обременительный, обязательный характер, совершенно также, как полезнее для лектора экскурсовода приобщение к музейным фондам не должно быть «обязательным». И там, и здесь, в научной и культурно-просветительной работе более, чем где либо успех зависит от наличия призвания и эмоциональных факторов, которые нельзя регламентировать.

И там, и здесь успех работы в высочайшей степени зависит от **свободной инициативы** и отсутствия давления и побуждения извне.

Всякое насильственное отрывание исследовательско-научной деятельности (изучения предметов, содержания показа) от исследовательско-музейной (изучения методики показа), там, где обе стороны слагались в историческом процессе — угрожает отрыванию Музея от науки, а ученых от запросов масс, т.е. заведомо грозит ущербом для науки, для ученых, для музея, для музейцев, а тем самым для культурного развития страны и общества.